

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-8
Г47

Гиль, Степан Казимирович.
Г47 **Шесть лет с Лениным / Степан Гиль. Записки коменданта Кремля / Павел Мальков. — Москва : Алгоритм, 2016. — 240 с. — (Записки кремлевских телохранителей).**

ISBN 978-5-906861-99-3

Авторы этих воспоминаний имели непосредственное отношение к охране Кремля и высших руководителей государства. Павел Мальков был первым кремлевским комендантом с марта 1918 по апрель 1920 года. Он часто встречался с В.И. Лениным, Я.М. Свердловым, Ф.Э. Дзержинским и другими видными деятелями советского руководства. Степан Гиль являлся персональным водителем и охранником Ленина, а после его смерти служил у Микояна и Вышинского.

В своих записках П. Мальков и С. Гиль рассказывают много интересного о служебной деятельности и личной жизни кремлевских вождей — прежде всего В.И. Ленина. Эти записки тем любопытнее, что дополняют друг друга: например, С. Гиль был главным свидетелем известного покушения Фанни Каплан на Ленина, а П. Мальков потом ее допрашивал и лично расстрелял. В ряде других эпизодов у читателя также имеется возможность сравнить воспоминания этих двух людей, близко знавших Ленина.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-906861-99-3

© Гиль С.К., Мальков П.Д., правообладатели, 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ЗАПИСКИ КРЕМЛЕВСКИХ ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ

Гиль Степан Казимирович
ШЕСТЬ ЛЕТ С ЛЕНИНЫМ

Мальков Павел Дмитриевич
ЗАПИСКИ КОМЕНДАНТА КРЕМЛЯ

Редактор *О. Селин*
Художественный редактор *Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 17.08.2016.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906861-99-3

СОДЕРЖАНИЕ

П.Д. Мальков

ЗАПИСКИ КОМЕНДАНТА КРЕМЛЯ

Комендант Смольного	6
В Кремле	35
Ленин	67
Покушение	86
Заговор Локкарта	91
Охрана Ленина	115
Дзержинский	128
Свердлов	138
Калинин	156
Взрыв в Леонтьевском переулке	159

С.К. Гиль

ШЕСТЬ ЛЕТ С ЛЕНИНЫМ

Знакомство	167
Покушение на Ленина	173
Встречи с народом	190
Максим Горький	201
Семья Ленина	205
Ленин на отдыхе	210
Характер Ленина	224
Последние годы	231

П.Д. Мальков

ЗАПИСКИ КОМЕНДАНТА КРЕМЛЯ

Комендант Смольного

29 октября 1917 года Военно-революционный комитет утвердил меня комендантом Смольного. Через несколько дней выдали мне документ:

«Военно-революционный комитет постановил: комендантом Смольного института назначить тов. Малькова. Его помощником по внутренней охране тов. Касюра.

Помощником по составлению личного состава назначается тов. Игнатов.

За председателя Ф. Дзержинский».

Так я стал комендантом Смольного. Пришлось принимать дела, хотя принимать особо было и нечего. Собрал я человек тридцать матросов, примерно столько же красногвардейцев и начал организовывать охрану Смольного.

Смольный по-прежнему так и кипит. Здесь Ленин. Здесь другие члены Центрального Комитета большевиков. Здесь руководство Центрального Исполнительного Комитета Советов, Петроградский Совет и Военно-революционный комитет. Тут же различные общественные организации, профсоюзы, редакции газет и журналов.

Внизу, на первом этаже, в комнате № 31 — комендатура. Рядом — караульное помещение. Всего нас в охране человек шестьдесят — семьдесят матросов и красногвардейцев, а сколько одних постов выставить надо, да надежных, крепких. Здание-то огромное. Ответственность и того больше.

Впрочем, посты бы еще полбеды, справиться можно, но дело постами не обходится: надо и арестованных охранять, и продовольствие для Смольного добывать, и об отоплении заботиться, и выдачу пропусков организовывать — одним словом, забот у коменданта больше чем достаточно. А тут еще то одно поручение, то другое, ничего общего со Смольным не имеющее. И все важные, все неотложные. То Военно-революционный комитет предписывает двинуть броневик на разоружение трех рот и пулеметной команды женского батальона в Левашове, по Финляндской железной дороге; то делегирует меня вместе с Дзержинским в комиссию по распределению помещений в Петрограде; то надо идти винные склады по городу ликвидировать; то в Зимнем дворце порядок наводить — что ни день, то новое дело. Но главное — Смольный, за Смольный с меня первый спрос, охрана Смольного — первая обязанность, А ее, по существу, приходилось налаживать заново. Я взялся было за расстановку постов, только куда их ставить и в каком порядке, сам черт не разберет. Одно очевидно — существующая расстановка постов никуда не годится. Ворот в Смольном много, а охраняются далеко не все, кто хочет, тот в Смольный и идет, прямо проходной двор получается.

Решил я, чтобы получше разобраться, обойти все посты. Пошел по зданию: чудеса, да и только. Смольный делится на две части: Николаевская, меньшая, и Александровская, большая. В Николаевской разместились Совнарком, ВЦИК, ВРК и прочие советские учреждения, Александровская же, оказывается, занята старыми классными дамами Смольного института благородных девиц, бывшими воспитательницами да несколькими институтками, по той или иной причине застрявшими в институте. Одним словом, осиное гнездо, да и только. Даже старая начальница Смольного, водившая дружбу с императорской фамилией, тут же. Комната ее чуть не по соседству с Совнаркомом и Военно-революционным комитетом.

Заглянул в подвал — час от часу не легче! И там полно жильцов: старая прислуга Смольного, швейцары, судомойки, прочая публика. Народ, одним словом, ненадежный.

Ходил я, ходил по Смольному, как вдруг во дворе, возле одного из входов Александровской половины встречаю двух офицеров. Оба расфранченные, усы напомажены, одеколоном за версту разит. Я к ним:

— Откуда такие взялись? Пропуск!

Они остановились. Один, помоложе, окрысился было, да старший его за рукав дернул: не связывайся, мол, с матросом шутки плохи.

Предъявляют пропуска, все чин по чину: печать, подпись.

— Кто, — спрашиваю, — пропуска вам выдал? К кому? По какой надобности?

Младший опять сорвался:

— А тебе, собственно говоря, зачем об этом знать? Ты то кто такой? Пропуск тебе предъявили, и хватит. Проваливай, откуда пришел.

— Ах, вы так, ваши благородия! Ну что ж, познакомимся. Я — комендант Смольного, а вот кто вы такие, сейчас разберемся. Не пожелаали добром говорить, не надо. Марш в семьдесят пятую комнату, там выяснят, что вы за птицы...

С господ офицеров вся спесь мигом слетела. Семьдесят пятая комната Смольного института, где помещалась Следственная комиссия, с первых дней революции приобрела грозную славу среди буржуазии, офицеры и прочей подобной публики. Младший из офицеров совсем растерялся, залопотал что-то несуразное, а старший пустился в объяснения:

— Позвольте, господин комендант, позвольте! Это же просто недоразумение. Зачем в семьдесят пятую? Извольте, мы все объясним. Тут, видите ли, вопрос интимный, для чего же шум поднимать? Мы с поручиком, так сказать,

с визитом к знакомым дамам. Они, знакомые то есть, и пропуска нам получили.

Я опешил.

— К дамам? Это к каким же дамам? Уж не к воспитательницам ли? Так там самой молодой лет за пятьдесят, наверное. Что у вас с ними за дела? Не кругло, господа, получается.

— Зачем же к воспитательницам? Мы, с вашего позволения, к собратьям, пардон, к сестрам по оружию, в штаб ударниц. Там, разрешите доложить, замечательное общество. Усиленно рекомендую обратить внимание, господин комендант. В случае чего почту за честь лично рекомендовать. Слово офицера — не пожалеете!

Ах ты, думаю, собачий сын. На свой похабный аршин меряешь! Отобрал у офицеров пропуска, выгнал их со двора и пошел проверять, что еще за штаб ударниц такой объявился в Смольном.

Оказывается, в нижнем этаже Александровской половины действительно разместился штаб женских ударных батальонов. И как я раньше не обнаружил? Хорош комендант! Девицы там подобрались одна отчаяннее другой. Называется штаб, а на деле сущий притон.

Доложил я эту историю Николаю Ильичу Подвойскому. Так и так, говорю, в сутолоке и горячке первых дней недоглядел, «Да что уж тут, — отвечает Николай Ильич, — и мы в Ревкоме прохлопали. Ничего, поправим». Через пару дней появился приказ: расформировать всякие женские батальоны и ликвидировать их штабы.

* * *

Прогнали ударниц из Смольного, а я между тем занялся проверкой порядка выдачи пропусков. Проверил. Выдает пропуска, оказывается, кто угодно и кому угодно. Выписывают-то их в комендатуре, но кто выписывает? Писаря, которые сидят в комендатуре с дооктябрьских дней,

набраны из военных писарей царской службы. Писари же да фельдфебели — первые шкуры, вечно около начальства терлись, это каждый матрос и солдат знает. Пойди разберись, кому эти писари дают пропуска.

Вижу, так дальше нельзя. Какая уж тут охрана? Пошел к Дзержинскому. Надо, мол, Феликс Эдмундович, меры принимать. В тот же день Военно-революционный комитет вынес постановление: расформировать весь наличный состав комендатуры Смольного. На следующий — другое: коменданту Смольного еще раз тщательно осмотреть все здание, выставить надежную охрану и доложить.

Посоветовался я с Бонч-Бруевичем, управляющим делами Совнаркома, собрал несколько человек моряков из охраны, самых сметливых, и двинулись мы в капитальный обход Смольного. Облазили здание снизу доверху, все осмотрели, записали и представили подробную докладную записку: «В Военно-революционный комитет. Об охране Смольного института».

Нарисовав детальную картину положения в Смольном, мы предложили следующие меры:

«1. Выселить из основного здания Смольного все посторонние элементы.

2. Проверить штат прислуги.

3. Создать коллегия из представителей ответственных работников отделов, представителей Красной гвардии, матросов и комендатуры для общего наблюдения за охраной и порядком в Смольном институте, причем число членов этой коллегии не должно превышать десять человек.

4. Реорганизовать комендатуру, изгнав контрреволюционную часть, и привлечь к участию в ней представителя от упомянутой в предыдущем пункте коллегии».

Не откладывая дела в долгий ящик, 2 ноября 1917 года Военно-революционный комитет обсудил доклад об охране Смольного института. 29 октября вопрос о моем назна-

чении комендантом Смольного решался на ходу, несколькими членами ВРК, теперь Военно-революционный комитет утвердил меня официально и предоставил мне право набрать служебный штат комендатуры с последующим утверждением его ВРК. Одновременно Военно-революционный комитет решил выселить из Смольного института все ненадежные элементы.

Легко сказать, набрать штат комендатуры, а как его наберешь? Где? Пришлось опять идти к Дзержинскому за помощью. Выслушал меня Феликс Эдмундович и говорит:

— Дело не легкое. Люди везде нужны. Так что на многое не рассчитывай. Несколько человек покрепче возьмем из Кронштадта. Вместе с теми матросами, что пришли в Смольный с тобой, они составят основной костяк комендатуры, его ядро. Ну, а в остальном поможет Красная гвардия.

Сел Феликс Эдмундович к столу, бросил несколько слов на листке бумаги и протянул мне:

— На, двигай в Кронштадт за подмогой.

Я прочитал:

«В КРОНШТАДТСКИЙ МОРСКОЙ КОМИТЕТ

4 ноября 1917 г.

Прошу назначить семь человек матросов для обслуживания Смольного института.

Предс. Дзержинский».

— Семь? Маловато будет, Феликс Эдмундович...

— А ты думал, семьдесят тебе дадим?

Взял я бумагу, расписался на копии «Подлинник получил. Комендант Мальков» и отправился в Кронштадт.

С кронштадтцами дело уладил быстро. Договорились, что народ они подберут самый надежный и завтра же пришлют в Смольный.

— Ну, а ты-то сам как? — вдруг спрашивают. — У тебя как дела?

— У меня? Сами видите мои дела. Налаживаю охрану Смольного.

— Это мы видим, да не о том речь. Ведь ты же на «Диане» числишься, а застрял в Смольном. Надо как-то оформить, а то неладно получается.

Действительно, правы товарищи. Я об этом и не подумал, не до того было. А что получается? Состою на действительной военной службе, матрос первой статьи крейсера «Диана», а на крейсере свыше двух недель не был! Вроде дезертир.

Вернулся в Смольный, улучил удобный момент и обратился к Феликсу Эдмундовичу: надо, мол, мне оформляться чин по чину, а то нехорошо получается.

Он согласился: ну что ж, оформим. Тут же Дзержинский написал два документа, сам подписал, дал подписать Гусеву и вручил мне.

Первый документ:

«6 ноября 1917 г.

В центральный комитет Балтийского флота.

По распоряжению Военно-революционного комитета матрос Павел Мальков оставлен в Петрограде в качестве коменданта Смольного института.

За председателя *Дзержинский*
Секретарь *Гусев*».

И второй, того же содержания, в судовой комитет крейсера «Диана». Так кончилась моя морская служба.

Грустно, конечно, было расставаться с морем, с товарищами, с кораблем — как-никак без малого шесть лет на «Диане» проходил, но раз надо — значит надо. А с другой стороны, какая там грусть? Старая жизнь и старая Россия полетели кувырком, в преисподнюю.

* * *

Между тем, охрана Смольного постепенно налаживалась. Военно-революционный комитет установил строгий порядок выдачи пропусков, возложив это дело на комендатуру. Постоянные пропуска выдавались сроком на один месяц, по спискам от организаций и отделов, находящихся в Смольном. По истечении месяца они отбирались и заменялись новыми. Лица, непричастные к Смольному, получали разовые пропуска только по предъявлении документов, не так, как раньше, когда пропуск мог получить кто угодно, хоть вовсе без документов.

В середине ноября Военно-революционный комитет принял специальное постановление об организации караульной службы в Смольном. В этом постановлении подчеркивалось, что все караулы Смольного и все дежурства подчиняются коменданту Смольного института; караульные начальники обязаны являться к коменданту для докладов и для получения инструкций. Были введены постоянные постовые ведомости, которых раньше не было.

Удалось наконец, хоть и не сразу, хоть и не без труда, очистить Смольный от посторонних жильцов, от всех этих классовых дам, воспитательниц, институток, прислуги и прочей публики.

12 ноября 1917 года я был назначен комендантом Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Съезд открылся 23 ноября в Петрограде. Заседал он то в помещении городской думы, то в бывшем императорском училище правоведения, на Фонтанке, а заканчивал свою работу в Смольном. Возни со всякими делами, связанными со съездом, было достаточно.

Как-то раз в дни заседаний крестьянского съезда вызывает меня Яков Михайлович Свердлов, к тому времени уже избранный председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

— Товарищ Мальков, как у вас с очисткой от посторонних Александровской половины Смольного? Помнится, Военно-революционный комитет выносил такое постановление.

— Постановление было, Яков Михайлович, только, так сказать, в принципе. Практически еще не выселили. Да и куда их девать? Вон их сколько...

Яков Михайлович нахмурился.

— Это плохо, когда практические дела расходятся с принципами. Придется вам поторопиться. Александровская половина Смольного нам нужна, мы в ней разместим Исполнительный Комитет, который будет избран крестьянским съездом. Надо к окончанию съезда очистить помещение и привести его в порядок, так что поспешите. Что же касается классных дам, то в Петрограде помещений хватит. Проверьте, нельзя ли их переселить в Александро-Невскую лавру или в Ксеньинский институт. Он ведь своего рода младший брат Смольного. Одним словом, надо сделать, и сделать быстро.

Раз надо — значит надо. Послал я несколько человек матросов в лавру, только ничего хорошего из этого не вышло. Монахи их встретили чуть не с пулеметами. Даже во двор не пустили. И разговаривать не стали. Ребята кричат монахам: «Вы же христиане, Христос велел любить ближнего, так приютите божьих старушек!» Куда там, и слушать не хотят.

Махнул я рукой на лавру, решил не связываться. Устрою, думаю, своих жильцов в Ксеньинском институте. Заведение-то действительно Смольному сродни.

В Ксеньинский послал я на переговоры одну из наиболее энергичных классных дам. Люди они, думаю, свои, скорее договорятся. Не тут-то было! Как только директор Ксеньинского института услышал, зачем к нему пожаловала представительница Смольного, замахал руками и отказал наотрез: «Помилуйте, — говорит, — и помещения-то у

нас нет и своих девать некуда, не то что двести — триста человек, а и десятка взять не можем. Рады бы, да некуда».

Прямо из Ксеньинского явилась эта дама ко мне, чуть не плачет. Не то чтобы ей уж очень хотелось из Смольного уезжать, нет, но обидно было такой отказ получить, И от кого? От своих же, которых всегда смольненцы держали за «бедных родственников».

Выслушал я ее и успокоил: ничего, мол, не огорчайтесь, у вас не вышло, так мы попробуем. Авось с нами этот директор будет поговорчивее! Вызвал своего помощника и велел ему тотчас ехать в Ксеньинский институт.

— Передай, — говорю, — директору, что ежели у него, в Ксеньинском, не найдется места для благородных девиц и прислуги из Смольного, так мы у себя, в Смольном, найдем место для него, а найдем сразу же, сегодня, самое надежное...

Не прошло и часа, возвращается мой помощник обратно. Ну, говорит, и комедия. Чистый цирк! Директор Ксеньинского согласен не только всех классных дам и прислугу разместить, а и еще кого-нибудь в придачу. Представительница Смольного его-де не так поняла, он просто шутил, а она приняла шутку всерьез и зря беспокоила господина коменданта.

Дипломатические переговоры с Ксеньинским институтом были успешно завершены, и через день мы начали эвакуацию наших соседек.

Наконец-то Смольный был очищен от посторонних. Освободилась не только Александровская половина, по и полуподвальный этаж, помещение в общем вполне приличное. Туда решили перевести арестованных. Их, правда, в Смольном было немного, но кое-кто имелся.

Вообще с этими арестованными морока была немалая. В комнату № 75, где работала Следственная комиссия, приводили отъявленных контрреволюционеров, белогвардейцев, офицеров, юнкеров. Порой, бывало, и про-

сто подозрительную публику. Комиссия разбиралась: кого задерживала, а большинство сразу отпускала на все четыре стороны. Поначалу мы были очень доверчивы и многих, даже матерых зубров, отпускали под честное слово. Отпустили самого генерала Краснова, руководителя первого мятежа против Советской власти, захваченного в Гатчине. А он, дав слово не воевать против Советов, вышел на свободу и был таков. Удрал на Дон и стал во главе тамошней белогвардейщины. Вот тебе и офицерская честь, генеральское честное слово!

Или Гоц, эсеровский вождь. Его поймали, когда он пытался пробраться из Петрограда в Гатчину, к Керенскому. Привели в Смольный, предложили явиться в комнату № 75, в Следственную комиссию. Он дал слово, что тут же явится.

Только его без охраны оставили, он и улизнул.

О тех, кого отпускали, у комендатуры забот было мало. Отпустили и отпустили. Это дело Следственной комиссии, не наше, не комендантское. С задержанными иначе. Некоторых из них отправляли в Петропавловскую крепость или в Кресты (так называлась одна из петроградских тюрем), а кое-кого оставляли в Смольном. Эти целиком были на ответственности комендатуры. И разместить их надо, и ночлег организовать, и питание, и, конечно, охрану. А они капризничают: того не хочу, этого не желаю, известно — баре. Родственники без конца за справками обращаются, и все в комендатуру. Свиданий требуют. Продукты арестованным тащат, белье, постели — хоть специальных людей на это ставь...

* * *

Немало хлопот доставляли мне вопросы продовольствия, отопления. В Петрограде не было продуктов, не было дров. Город жил впроголодь. Из окон роскошных барских особняков торчали короткие, изогнутые коленом трубы «буржук» — небольших железных печурок, давав-

ших тепло только тогда, когда топились. Их ненасытные пасти поглощали стильную мебель красного дерева, шкафы мореного дуба, дорогой паркет, и все равно в квартирах стоял собачий холод.

Частенько мерзли и мы в Смольном, мерзли в своих кабинетах наши руководители, мерз Ленин. Уголь и дрова доставались ценой героических усилий, но порою в доставке бывали перебои, а зима, как назло, выдалась лютая.

Нелегко было в Смольном и с продовольствием. Смольный питался так же, как и весь рабочий Питер. Для сотрудников Смольного была организована столовая, в которой мог получить обед и любой посетитель, лишь бы он имел пропуск в здание. Здесь, в этой столовой, питались и руководители ВЦИК, и ВРК, и наркомы, забегавшие из своих наркоматов в Смольный.

Столовую обеспечивали продуктами продовольственные отделы ВРК и Совета, а что это были за продукты? Пшено да чечевица, и то не каждый день. Бывало, в тарелке с супом можно было по пальцам пересчитать все крупинки, причем вполне хватало пальцев на руках. Второго же не было и в помине.

Особенно тяжело было ответственным товарищам, работавшим чуть не круглые сутки напролет, на пределе человеческих сил, без отдыха. А ведь у многих из них здоровье было подорвано тюрьмой, годами тяжелых лишений. Каково им-то было вечно недоедать, недосыпать? Кое у кого дело доходило до голодных обмороков.

В конце 1917 года вызвал меня Яков Михайлович и велел организовать в Смольном небольшую столовую для наркомов и членов ЦК. Нельзя, говорит, так дальше. Со всем товарищи отощали, а нагрузка у них сверхчеловеческая. Нужно народ поддержать. Подкормим хоть немногих — тех, кого сможем.

Организовал я столовую. Обеды в ней были не бог весть какие: то же пшено, но зато с маслом. Иногда удавалось даже мясо достать, правда, не часто. Но все-таки